

Шэн Дайчуань беззаботно покачал головой. «Не надо таких грубых слов. Умная птица выбирает дерево покрепче. Раз Государь нас не ценит, придётся найти того, кто оценит. Разве не логично?»

Логично? Скорее, криводушно! Скажу крамольную вещь: будь я на месте Государя, я бы тоже не стал доверять такому, как Шэн Дайчуань, который обкрадывает собственную армию. К тому же Государь не говорил, что больше меня не намерен использовать, — просто велел погостить у отца подольше, а о возвращении поговорим через пару месяцев.

Планировались два месяца, но теперь, после этой истории, срок, наверное, растянется. Я сидел как на углях, не зная, уйти или остаться, — будто на самом деле насадился на гвоздь. «И... кто этот человек, который согласится нас „ценить“?»

Боже правый, я спросил исключительно из любопытства, без малейшего намёка на сговор. Наш род Сяхоу десятилетиями хранил доброе имя, и я не собираюсь его запятнать.

Но Шэн Дайчуань понял иначе. Услышав мой вопрос, он встрепенулся, и лицо его просветлело. «Ты его знаешь. Это князь Юй».

Должно быть, моё лицо в тот момент стало забавным. Брови поползли вверх, глаза округлились, и мне пришлось рукой поправить челюсть, которая чуть не отвисла до стола. Выждав паузу, я наконец выдавил: «Князь Юй... Прости за прямоту, но если у тебя получится, он превратит столицу в огромный игорный дом, утопающий в вине».

Да бросьте! Вся Поднебесная знает, что князь Юй — праздный гуляка! Что такое «праздный князь»? Попроси его оценить живопись или устроить бой сверчков — он мастер. Заговори о военной стратегии или управлении страной — он тут же сбежит, лишь бы не пачкаться.

Князь Юй из двенадцати месяцев года минимум восемь проводит в разъездах, ищет развлечений. Он знает толк в еде, играх и женщинах, но к делам государственным не приспособлен. Пару лет назад в народе даже сложилась нехитрая песенка: «Скажи-ка, друг, кто всех ветренее? / Наш князь — с красавицей наедине. / Петушиный бой, вина струя — / Не променяет на судьбу свою. / Не бери пример, стремись к высотам!» — это как раз про него.

Так что если Шэн Дайчуань хочет возвести князя Юя на трон, это всё равно что самому взять власть.

Но если я сейчас не поддержу его разговор, мне отсюда не выбраться. Ладно, сделаю вид, что согласен, а там видно будет. Главное — поскорее вернуться к себе и там уже думать. Я принял серьёзный вид и важно изрёк: «Обо всём, что ты сказал, я подумаю».

Шэн Дайчуань расплылся в улыбке, и на лице его заиграли морщины. «Деловой! Тогда я позабочусь, чтобы за тобой не тянулся хвост. С этого момента мы — сороки на одном хвосте». Он помолчал, бросив взгляд на Бай Лю, и бровь его дёрнулась. «Особого подарка у меня для тебя нет. Выкуплю этого мальчика, и того парнишку тоже отдам».

«Шэн Дайчуань, тебе мало, что я живу спокойно? Специально мозоли мне глаза? Если бы я хотел их выкупить, давно бы сделал. Отец терпеть не может мои склонности, с одним Бай Лю мне хлопот хватает, а ты ещё парочку подсовываешь!»

Шэн Дайчуань покачал головой и многозначительно ткнул пальцем в сторону юноши с кувшином. «Не торопись. Этот тебе точно понравится».

Я нахмурился и посмотрел туда, куда указывал палец. Юноша медленно поднял голову, сам откинул волосы, падавшие на лицо, и мягко улыбнулся: «Генерал». Передо мной предстал юноша с лицом, словно выточенным из яшмы.

Я чуть не подпрыгнул на месте: «Э-э-э-э-э... Да это же вылитый Се Цзин!»

Шэн Дайчуань рассмеялся во весь голос: «Похож, да? Много сил потратил, чтобы найти такого».

Я фыркнул: «По всему городу болтают, будто у меня роман с Ши Ичжи. Откуда ты узнал, что мне нравится Се Цзин?»

Шэн Дайчуань почесал подбородок: «Я много чего знаю. Ну как, подарок достойный?»

Не принять — значит показать, что я его обманываю. Я подумал и добавил ещё один палец: «Не хватает кое-чего».

Шэн Дайчуань насторожился: «Чего ещё? Говори!»

Я решил не церемониться и ткнул пальцем в воздух: «Твои люди как-то опрокинули мою миску с пшённой кашей. Верни».

Шэн Дайчуань остолбенел, а затем с невыразимой миной на лице буркнул: «Подумаешь, дело... Ладно, ладно, не то что миску — целый котёл верну!»

...

Отправив Бай Лю и того безымянного юношу в особняк, я вышел на улицу с коробкой еды в руках, чувствуя себя опустошённым. С таким грузом проблем я не решался ни вернуться домой, ни явиться во дворец. Думаю, Шэн Дайчуань сначала избавится от «хвостов», подставленных Государем, а потом приставит ко мне своих.

Я брёл без цели и в конце концов очутился у ворот дома Се Цзина. Слуги у ворот спали непробудным сном, развалившись кто как попало. Я прикинул: раз уж занесло сюда, значит, такова воля небес — нести кашу. Не зайти — значит струсить.

В крайнем случае, на рассвете явлюсь во дворец и во всём повинюсь Государю. Всем известно: одно и то же событие в разных устах звучит по-разному. Если о нашей встрече с Шэн Дайчуанем в Павильоне Чэньян доложит ябедник, приукрасив подробностями, — это будет пахнуть изменой. А если я сам всё честно расскажу — так и вовсе выйду доносчиком. Главное — опередить других. Даже если Государь заподозрит неладное, при мне ему будет неудобно разразиться гневом.

Привратники у дома Се Цзина спали крепко, и я, не желая их тревожить, на цыпочках прошёл мимо, свернул за несколько поворотов и оказался у его спальни. Уже было занёс руку, чтобы постучать, но остановился.

Явиться ночью, в одиночку, перелезть через стену и прийти напрямик в спальню... Пусть у меня и не было дурных мыслей, но выглядело это весьма сомнительно. Если вдуматься, я уже встретился сегодня с Шэн Дайчуанем, а теперь ещё и заглянул в дом Се... Не стоит забывать, что семейство Се — тоже не лыком шито. Не исключено, что и Се Янь в этом деле замешан. Если слух о моём ночном визите просочится, что подумают люди? А что подумает Государь?

Ведь всем будет всё равно, беседовал я с самим Се Цзином или с его отцом.

Раздумывая об этом, я уже собрался было тихо убраться, как вдруг услышал лёгкий оклик: «Господин, будут ещё распоряжения?»

Мужской голос. Из комнаты Се Цзина. И это был не он.

Без тени смущения я развернулся, припал к двери и прильнул ухом. Ну надо же, в такой час не спит, да ещё с молодым мужчиной в комнате... Чем это они занимаются?

Чем больше я старался расслышать, тем менее разборчивыми казались звуки. Слышались обрывки фраз, да ещё какое-то плескание воды. Не выдержав, я оттолкнулся ногой, взметнулся на крышу и приподнял черепицу.

Не подумайте, что я любитель подглядывать. Просто... просто тот смешок, что прозвучал из комнаты вместе с обращением «господин», заставил моё сердце ёкнуть. Я... я просто беспокоюсь за моего прекрасного Третьего молодого господина Се!

Вытянув шею, я заглянул внутрь. Комнату разделяла ширма. Тот, кто говорил, стоял в наружной части, сложив руки в рукава. Се Цзин же был лишь в лёгком нижнем халате, одна нога ещё оставалась в деревянной кадке — видимо, только что закончил омовение.

Я потянул за воротник. Видно, лето приближается — стало жарковато.

Мне стало неловко разглядывать Се Цзина, и я повернул голову к мужчине в наружной части. Сверху не разобрать, красив он или нет, но голос слышен отчётливо.

Он говорил с почтительностью, не двигаясь с места без приказа: «Господин, мазь от шрамов, которую вы просили, я нашёл. Оставил на столе. Если больше ничего не нужно, позвольте удалиться?»

«Погоди. Зайди, помоги нанести. Сам я туда не дотянусь». Се Цзин окликнул его и, прежде чем мужчина обогнул ширму, сам распахнул ворот, обнажив плечо.

Я протёр глаза. На его плече, близко к шее, отчётливо виднелся свежий шрам шириной в два пальца. Его расположение в точности совпадало с раной того нападавшего, что был несколько дней назад. Я зажмурился и снова открыл глаза. Шрам никуда не исчез и не сместился.

<http://bllate.org/book/15934/1423859>